
Теона Рэй
Ольга Корк
Рокировка
без правил.
Теперь я злодейка
18+

Теона Рэй

Рокировка без правил. Теперь я - злодейка

«Автор»
«Автор»
2026

Рэй Т.

Рокировка без правил. Теперь я - злодейка / Т. Рэй — «Автор», «Автор», 2026

Быть сожженной заживо? Нет, спасибоОчнуться на пути к костру в теле убийцы — совсем не то, о чем я мечтала. Я терапевт, а не ведьма, и мой единственный грех — зависть коллеге.Мне нужно доказать, что я не опасна. Очистить замок от вековой грязи, научиться уживаться со своим надзирателем, и терпеть визиты девушек, которые в него влюблены.Получится ли у меня? Не знаю. Но ведь злодейки бывают разные!

© Рэй Т., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 9
ГЛАВА 3 15
ГЛАВА 4 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Теона Рэй, Ольга Корк
Рокировка без правил. Теперь я - злодейка

ГЛАВА 1

Шум в ушах все нарастал, и постепенно начал распадаться на отдельные звуки.

— Сжечь ведьму!

— Сжечь!

Я определенно слышала, как кто-то кричал. Но звук доносился будто сквозь вату.

Мне стоило огромных усилий сосредоточиться на ощущениях, потому что голова кружилась, а мысли путались.

Я с трудом осознала, что повисла… Точнее, меня тащили. Рукам было больно из-за того, что их с двух сторон кто-то сжимал сильными пальцами. Ноги волочились.

Начинала паниковать, в крови забурлил адреналин, и только благодаря этому я наконец смогла разлепить ресницы — чтобы едва не ослепнуть от яркого света, исходящего от пламени в кованых жаровнях, стоящих по двум сторонам от широкой мощеной дороги.

Сумеречное небо тяжело нависало над головой. Тучи, серые, темные, мрачные, цеплялись за высокие шпили зданий. Люди, гневно кричащие вслед двум бугаям, которые тащили меня куда-то, были одеты в непривычно простую одежду.

Что-то царапалось на подкорке. Будто я участвовала в какой-то постановке… В театре абсурда. В… реконструкции! Точно, как будто я попала на реконструкцию каких-то средневековых событий! Но этого определенно не может быть, ведь я терпеть не могу такие развлечения и не поехала бы на подобное представление ни под каким предлогом. И тем более не стала бы участницей столь идиотского действа.

А еще… Еще я никогда не слышала о таком качестве реконструкций. Сомневаюсь, что кто-то стал бы заморачиваться постройкой целого городка, площади. Воссозданием запахов, черт возьми! Ковкой одинаковых жаровен из толстого железа. А то, что это не дешевка кустарного производства, я прекрасно видела. Все, что было в моем поле зрения, это две пары мужских ног, обутых в высокие кожаные сапоги, мощеная дорога, жаровни и первый ряд людей, которые стояли строго за пределами дороги.

Чтобы рассмотреть что-либо еще, мне приходилось поднимать голову, а это было трудно. Боль яркой вспышкой вспыхнула в затылке и была настолько острой, что глаза начали слезиться. Я и небо-то увидела всего лишь один раз. Как и тучи, и те самые шпили. А еще я разглядела впереди что-то ужасное. Страшное. Дикое.

Там был столб. Самый обычный — толстый деревянный столб, установленный посреди сложенных вязанок хвороста. Как будто кто-то собирался сжигать Масленицу, вот только чучела нигде не было видно, а меня по какой-то неведомой причине тащили именно к этому столбу.

— Ку… куда вы меня ве-еде-оте? — Говорить было тяжело. Складывалось впечатление, что язык распух и прилип к небу. Что за чертовщина?

— Молчать, дрянь!

Меня хорошенько тряхнули конвоиры — а кто еще мог бы так обращаться с молодой женщиной? — да так удачно, что моя голова в очередной раз мотнулась из стороны в сторону, как у безвольного болванчика, а на лицо упали волосы. Грязные. Спутанные. Тусклые черные волосы.

Какого черта! Где мой шикарный платиновый блонд, за который я отдала кругленькую сумму в салоне красоты?

Я с удивлением дунула на мерзкую темную прядь и даже посмотрела, как она послушно колыхнулась — и тут же повисла, как и была, раздражающе мотаясь перед лицом, задевая кончик носа.

Может быть, это легкое, раздражающе щекотное прикосновение привело меня в относительный порядок. А может, и слова, прозвучавшие над головой…

— Скоро ты получишь по заслугам. Огонь сотрет с тебя все злодеяния, ведьма!

Я как-то быстро поняла, что влипла, и, кажется, влипла по-крупному. Нашла в себе силы, чтобы начать вырываться, потому что, черт бы их всех побрал, в двадцать семь лет я совершенно точно не собиралась быть сожженной на костре только из-за того, что кому-то захотелось стереть с меня какие-то там грехи! Да какие грехи?! Ну была я не самым послушным ребенком. Ну унесла однажды из магазина жвачку, забыв заплатить. Да, переходила дорогу в неположенном месте и люто завидовала более удачливой коллеге. А кто бы не завидовал? У нее кабинет больше, светлее, теплее, и сидит она там одна, тогда как я вынуждена ютиться в каморке. Да, точно, я завидовала. Но разве зависть — такой уж страшный грех, за который стоит сжигать? Нет! Я против! В конце концов, я могу исправиться. И потом, почему сразу «ведьма»? Ничего подобного! Вовсе нет!

В общем, не знаю, что происходит, кто кого и за что собирается сжигать, но я точно здесь оказалась по ошибке. Огромной ошибке!

О чем я и поторопилась сообщить своим конвоирам. Только, увы, слышать спокойные слова они не хотели. В диалог не вступали. На любые просьбы объяснить, почему именно меня тащат к костру, меня пренебрежительно встряхивали, приказывая заткнуться.

И тогда я сорвалась. Начала вырываться, визжать. Кричать, что меня не должно быть здесь. Что они перепутали. Что костер — это не выход. Что все можно обсудить. Что я не заслуживаю такой участи. Да, я кричала. Пыталась кусать мужчин за руки, пинаться, но лишь отшибла босые пальцы о грубую кожу сапог. Упиралась пятками в дорогу, но кровь, оставленная на камнях, не остановила этих мужланов. А люди, те, которые до сих пор воспринимались как безликая толпа, с каждым моим криком, с каждым словом будто сатанели. Уровень злости на площади все возрастал, пока в конце концов в меня не полетел первый камень.

Мелкий, с острыми гранями, он рассек мне скулу, из-за чего я испуганно вскрикнула и забилась с удвоенной силой. Над головой кто-то из двоих мужчин хмыкнул — гад! А затем они, будто сговорившись, приподняли меня чуточку выше. Я сначала не поняла для чего, а оказалось — чтобы снаряды разгневанных людей долетали до цели.

Боже, за что? Почему я?!

Теперь я видела искаженные от злости лица. Смотрела в глаза, полные ненависти. Рядом со столбом, приготовленным для меня, стояли по кругу мужчины в подозрительных одеждах, смахивающих на одеяния испанских инквизиторов. А еще я в своем состоянии безумной истерии каким-то чудом смогла отметить, что далеко не все запущенные камни долетали до меня. Они будто вязли на границе со светом от огней в жаровнях. Замедлялись и падали на мостовую, так и не достигнув цели. Но были и те, что прорвали эту странную защиту, и тогда на моем теле расцветал новый цветок боли. Сколько их уже? Я не считала. Спина, грудь, ноги. Болело все. До проклятого столба оставалось всего ничего. Пятьдесят шагов? Двадцать? Десять?

Чем ближе мы подходили к приготовленному кострищу, тем громче я визжала и тем отчаяннее вырывалась из цепких мужских рук. Пару раз я все же смогла достать одного из тех, кто тащил меня к месту казни, и ругательства, которые он процедил сквозь зубы, звучали как музыка в этой ненависти, направленной на меня.

Но что может сделать одна слабая, измученная женщина с двумя здоровыми мужиками? Ни черта она не может! Как бы я ни сопротивлялась и ни пыталась донести до окружающих, что все происходящее — ошибка, ничего не смогла добиться.

Веревки больно впились в запястья вздернутых кверху рук. Опоясали талию. Притянули бедра к столбу с такой силой, что я больше не могла шевелить ногами. Между ступнями и хворостом было всего пара сантиметров, и под пятками, видимо, для удобства, было вколочено два небольших коротких, но толстых суков. На них я могла хоть немного опираться. И со стороны, наверное, все выглядело так, будто я повисла привязанная к столбу. Показушники!

Меня приготовили к казни, не обращая внимания ни на горькие слезы, ни на объяснения, и семеро в странных одеждах шагнули ближе к столбу. В руках они держали семь совершенно одинаково полыхающих факелов.

Как только конвоиры, так бесцеремонно привязавшие меня, отошли в сторону, я смогла в полной мере рассмотреть в сгущающихся тенях помост, на котором стояли еще двое мужчин. На шее у одного из них красовалась массивная цепь, а на его внушительном животе лежал крупный круглый медальон. Этот жирдяй здесь явно главный. Он, шагнув вперед, развернул свиток и, не глядя на меня, без каких-либо пафосных вступительных речей хорошо поставленным голосом принялся зачитывать:

— Именем Городского Совета и Кодекса Светлой Империи оглашается окончательный приговор по делу о преступлениях против уклада и государственной безопасности. Обвиняемая, Лора Айхендорф, признана виновной в использовании магии, классифицированной как запретная согласно статье двенадцать Магического Кодекса, а именно: применение магии крови с использованием крови третьих лиц, приводящее к смерти граждан Светлой Империи. Защита обвиняемой не была предоставлена, так как из закона не существует исключений. Вина доказана Старшим претором, все доказательства засвидетельствованы Младшими преторами. Приговор вынесен мной, Клаусом Айзенбергом, Верховным претором города Дэрама. Обвиняемую ждет смертная казнь через сожжение в Огне Изначальном. Приговор будет приведен в исполнение советом Младших преторов немедленно. Да сохранит магия их разум чистым и ясным. Имущество осужденной конфискуется в пользу казны и на нужды города.

Бумага снова была с шелестом свернута в тугой свиток, и Верховный претор — подумать только, какой важный мужчина! — впервые поднял взгляд и посмотрел на меня. Его следующие слова заставили меня на самом деле задуматься, насколько все происходящее не шутка.

— Ты жила во тьме. Ты умрешь в огне. Да будет так!

Когда прозвучала эта фраза, сказанная равнодушным голосом, один из здоровяков с факелами сделал шаг вперед с отвратительной ухмылкой на губах. Склонился над сложенными охапками хвороста, и первый язык пламени коснулся бересты.

Я завизжала. Это ни черта не реконструкция! Едва осознавая саму себя от паники, я продолжала дергаться, затягивая веревки еще сильнее.

— Да какого хрена?! — Мой голос пронесся над собравшейся толпой.

Услышав свой визг в очередной раз, я застыла, пораженная чудным открытием — его звучание было мне незнакомым. Тонкое, звонкое, даже несмотря на громкость крика. А действительно, какого?..

Пока каждый из гадов с факелом по очереди подходил к кострищу, подпаливая хворост, я извивалась, стремясь рассмотреть свое тело. Оно заботило меня в данный момент чуточку сильнее предстоящего сожжения.

На пальцах ног ни следа сделанного позавчера педикюра, и от эпиляции осталось лишь воспоминание. Темные волоски хоть и редкие, но точно не мои. Коленки острые, ноги худые. Я никогда не могла похвастаться отменной фигурой, а вот нате…

Я запрокинула голову, согнула пальцы рук. Где мое кольцо?! Маникюра как не бывало, под ногтями грязь.

— Бред, ну бред же! — шептала я себе под нос, всхлипывая и упрямо вертя головой, пытаясь зацепиться взглядом хоть за что-то знакомое, что придаст уверенность: все, что сейчас

происходит, не более чем плод моего воображения. Но, опустив глаза вниз, я увидела пока еще робкие язычки пламени. — Вот черт!

Сердце рвалось из грудной клетки, теперь уже от страха. Вязанки занимались огнем, и я все отчетливее начинала чувствовать жар пламени. Они же не ради шуток тут с факелами ходят, а на самом деле собираются меня поджарить. Да за какие еще злодеяния?! Ну правда, не такая уж я и плохая, чтобы так радикально пытаться от меня избавиться!

Огонь, жадно пожирая хворост, поднимался все выше, и как только первый хищно-красный, извивающийся язык пламени с отчего-то зелеными всполохами лизнул мою пятку, с губ сорвался визг. Чудовищный. Пронзительный. Наполненный таким животным ужасом, что на какое-то мгновение толпа собравшихся зевак замолкла. Однако люди почти сразу радостно взревели, начали что-то скандировать, но мне было не до того, чтобы вслушиваться в их слова. Я орала. Боже, как я орала. Мне самой становилось страшно от своего крика. Но, черт подери, я не была готова умирать в огне. На костре! Как в каком-то долбаном средневековье!

В своих метаниях, в нелепых попытках избежать ужасной участи я не замечала, как бьюсь затылком о столб, как сдираю нежную кожу на запястьях о пеньковую веревку. Я даже не сразу поняла, что подпорка под ногами уже вовсю полыхает. А как только заметила, не смогла сделать ничего другого, как снова заорать, срывая голос, раздирая горло до кровавого привкуса во рту.

Равнодушный огонь трепал подол рваного платья. Он будто стремился как можно быстрее собрать жатву. Получить обещанную жертву. Я чувствовала его жар, билась в надежных путах и не прекращала кричать…

И так продолжалось до тех пор, пока я снова не посмотрела вниз и до моего окутанного ужасом мозга не дошла одна простая истина: я не горела. Но тепло, черт побери! Ни капли боли. Ни единого ожога!

Кажется, толпа подумала, что я потеряла сознание. Не знаю, может быть, со стороны это именно так и выглядело: девица висит привязанная к столбу с опущенной головой, и на ее лицо падают грязные черные волосы. Но мне не было дела до того, как я сейчас выгляжу. Я с все возрастающим интересом следила за огнем, который был настолько милым, что согревал меня, не причиняя вреда. Да что там, даже та тряпка, что когда-то была платьем, лишь немного дымилась, но не горела!

Заметив движение на помосте, я вскинула голову и встретилась взглядом с мужчиной. Не с тем, кто зачитывал приговор. И уж точно не с одним из этих семерых маньяков с факелами. Нет, этот был другим.

Напряженный, видно, что сильный и крайне внимательный. Опасный.

И вот ведь сразу понятно — умный мужик. Как только незнакомец увидел мои глаза, в которых, я уверена, сейчас не было ни грамма предполагаемой им агонии, он тут же прищурился. Чуть подался корпусом вперед, замер так на мгновение, после чего сжал в ладони медальон на своей груди. Что-то шепнул и шевельнул свободной рукой, сложив пальцы в замысловатую фигуру. Черт его знает, что именно он сделал, но между мной, самым наглым образом не горящей, и толпой людей, которые тут собрались с довольно-таки очевидной целью, встала завеса из черного дыма. Или тумана. Или… магии?

Боже, да куда же я с таким размахом вляпалась?!

ГЛАВА 2

POV Эберхард

Марево завесы еще клубилось у столба, когда я отдал приказ снимать ведьму.

— Отто, Вольф! — Мой голос разнесся по площади, перекрывая рев толпы. — Развязывайте. Живо.

Младшие преторы замерли. Людвиг, стоявший ближе всех с факелом, горящим Огнем изначальным, который так и не понадобился, обернулся ко мне с растерянным выражением лица.

— Господин Бер… — начал он неуверенно.

— Ты глухой, Людвиг? — Я даже не повернул головы. Смотрел на защитную завесу, которую сам же и создал, и думал о том, что сейчас будет. — Я сказал: развязать. Или тебе нужен письменный приказ?

Отто, здоровенный детина с пальцами толщиной с запястье девицы, дернулся первым. За ним — Вольф, тощий и вертлявый, вечно пытающийся выслужиться. Они без страха наступили на горящие снопы хвороста и скрылись за белым дымом от костра. От столба раздался сначала приглушенный вскрик, а потом и отборная ругань Отто — видно, ведьма все еще кусалась.

Хороший знак. Для той, которую только что пытались сжечь, она была бойкой. Может быть, даже слишком. Но это давало надежду, что новый допрос пройдет без очередной потери сознания и других фокусов. Нам не придется ждать, когда преступница придет в себя после глубокого обморока. Тем более что прошлый закончился не так давно, буквально на тропе, ведущей к месту казни.

Толпа, скрытая черным туманом, гудела, как растревоженный улей. Я чувствовал их взгляды — сотни глаз недовольных жителей города. Еще немного, и в нас полетят камни. В меня. В Младших преторов. В эту чертову девку, которая имела наглость не сгореть. Зараза!

— Господин Бер! — Карл, самый молодой из младших, тронул меня за локоть. Я дернулся. — Люди требуют…

— Конечно, люди требуют, Карл, — оборвал его я, стряхивая его руку. — Они пришли за справедливостью. Убедиться, что законы действуют. Что преторы готовы защищать их. И они жаждали крови, а получили лишь… ничего! Немного не то, что ожидали. Не правда ли? Киваешь? Ну так, может, уже поможешь Отто, пока он не оторвал ведьме руки? Она нам нужна целой.

Карл побежал, спотыкаясь на булыжниках. Я проследил за неуклюжим бегом Карла и перевел взгляд на Клауса Айзенберга с его вечно равнодушным выражением лица. Верховный претор смотрел на меня. Смотрел и ждал? Вот только чего именно? Черт бы его побрал.

Отто и Вольф выволокли ведьму из дыма, топча по пути магический огонь. Девка болталась между ними, как тряпичная кукла, но глаза были открыты и смотрели по сторонам с таким диким, почти животным любопытством, что у меня внутри что-то дернулось. Кажется, это было сомнение.

Она рассматривала толпу. Преторов. Здания. Как будто видела все это впервые в жизни.

— В Судебную Палату, — бросил я, разворачиваясь. — Через черный ход. Живо, пока народ не одумался и не устроил самосуд.

Мы покинули площадь с другой стороны, отходя от разъяренных людей все дальше. Кто-то выкрикнул ругательство, еще кто-то плюнул нам вслед, но камни не летели, и это радовало. Хотя от каждого громкого проклятия в наш адрес и резких движений за спиной я все больше нервничал.

А ведь вечер обещал быть обычным. Без всяких сложностей!

Тяжелые дубовые двери Судебной Палаты, обитые бронзой, распахнулись перед нами, и я на мгновение задержался, глядя на химер с завязанными глазами по бокам от входа. Слепое правосудие. Как удобно — ничего не видеть, когда все вокруг катится в бездну!

Внутри здания было холодно и тихо. Магические шары под потолком зажглись автоматически, заливая коридор ровным белым светом без единой тени. Ведьма дернулась, зажмурилась, а потом снова распахнула глаза и уставилась на шары с таким изумлением, будто ей показали летающую свинью.

— Это… как? — выдохнула она и тряхнула головой.

Странная. Я промолчал. Отто хмыкнул и подтолкнул ее вперед.

— Шагай, ведьма.

Она споткнулась, но устояла на ногах. Босая, в потемневшем от сажи тряпье, с черными спутанными волосами, закрывающими пол-лица — при этом она умудрялась выглядеть так, будто ее больше всего на свете интересует устройство освещения. Что за чушь!

Не замечал за этой дрянью таких актерских талантов на прошлых допросах.

Зал заседаний Совета встретил нас холодом и запахом старого дерева. Овальный стол из темного дуба занимал почти все помещение, вокруг него — тяжелые стулья с высокими спинками. Под потолком магические шары, дающие ровный, мертвенно-бледный свет.

Жестом я указал Отто и Вольфу посадить ведьму на стул в центре и надеть на нее ограничители. Сам встал у стены, скрестив руки на груди. Остальные Младшие преторы уже собирались — входили по одному, занимали свои места за столом. Людвиг, Карл, Эрнст, Йорг, Берт. Семеро. Семь старательных идиотов, которые только что не смогли сжечь преступницу.

Впрочем, они лишь выполняли приказ. Мой приказ. И никто не мог предположить, что, несмотря на неоспоримую вину, ведьма возьмет и не загорится!

Последним вошел Клаус. Верховный претор двигался медленно, плавно, как большой дикий кот. Очень опытный, несколько ленивый, но все еще крайне опасный. Его кресло стояло на возвышении у торца стола. Усаживаясь, он поправил тяжелую цепь с медальоном на животе — символ власти, который носил уже двадцать лет.

— Итак, — начал Верховный, и в его голосе не было ни капли эмоций. — Мы находимся в интересной ситуации, господа. Огонь Изначальный не принял жертву. Кто-нибудь хочет объяснить почему?

Тишина. Младшие преторы переглядывались. Людвиг кашлянул в кулак.

— Возможно, огонь ошибся? — неуверенно предположил он.

— Людвиг, мы говорим об Огне Изначальном, правда? — Клаус даже не посмотрел в его сторону. — Он не ошибается. Дальше.

— Магическая защита? — подал голос Карл. — Ритуалы с кровью? Ей же не впервой, могла и подготовиться…

— Она семь дней просидела в тюрьме под надзором, не имея ни малейшей возможности колдовать, — отрезал я, не выдержав. — И даже если бы нашла способ, защита от огня — это не та магия, которую можно навести тайком. Слишком сложно, нужно время. Кто-то из вас обязательно бы заметил такую подготовку.

Верховный перевел взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то — не то интерес, не то раздражение. Слишком быстро он скрыл эту эмоцию, возвращая себе маску равнодушия.

— Господин Бер полагает, что знает ответ?

— Я полагаю, что нужно провести допрос, прежде чем строить теории.

— Разумно. — Клаус чуть наклонил голову. — Приступайте.

Допрос начали Младшие. Людвиг как самый опытный из семерых взял на себя роль главного дознавателя. Он поднялся, обошел стол и остановился напротив ведьмы. Подергал за цепь сковывающих женские запястья ограничителей, видимо, для важности, а затем замер, заложив руки за спину.

— Имя, — зачем-то потребовал Людвиг.

Лора подняла голову. Волосы упали с ее лица, и я впервые увидел его полностью открытым за сегодняшний день — осунувшееся, бледное, с царапиной на скуле и… с совершенно обычными глазами. Никакого ведьминского огня. Никакой черноты. Ни капли безумной ярости, что всегда в них таилась. Просто уставшие, испуганные зеленые глаза.

— Лариса, — сказала она севшим голосом. — Меня зовут Лариса.

Людвиг усмехнулся.

— А в наших документах ты — Лора. Лора Айхендорф, мерзкая колдунья, приговоренная к сожжению.

— Я не она! — Ведьма дернулась, пытаясь встать, но Вольф, который успел подойти к заключенной и занять позицию у нее за спиной, удержал ее на месте. — Я не знаю никакую Лору! Я вообще не из этого… не из вашего… Я не отсюда!

Эрнст фыркнул. Берт закатил глаза.

— И откуда ты? — спросил Людвиг с издевательской вежливостью. — Из-за гор? Из-за моря? С Неизведанной суши?

— Из Самары, — выпалила она. Тут же как-то вся сжалась, едва заметно поморщилась, мотнула головой раз, другой и вдруг, фыркнув, торопливо заговорила: — Из другого времени. Понимаете? Из другого! Там нет магии, там людей не сжигают на кострах уже… — она замялась, явно пытаясь вспомнить, — лет триста! Последняя казнь через сожжение была в тысяча семьсот… восемьдесят четвертом? Или девяносто втором? В Англии, кажется. Или в Швейцарии. Черт, я не помню точно, но это было давно! Очень давно!

Наступила тишина. Младшие преторы переглядывались. Я видел, как на лицах некоторых начало проступать откровенное веселье. Не верили. Даже не так — они не допускали и мысли, что ведьмино отродье может говорить правду.

— Она сумасшедшая, — констатировал Отто. — Может, ударилась головой, когда падала? Или огонь напугал до потери рассудка?

— Я не сумасшедшая! — Ведьма снова дернулась, и Вольфу пришлось надавить сильнее. — Я врач! Терапевт! У меня есть диплом, ипотека, и свидание с мужчиной должно было быть, но я на него опоздала… или пропустила? А может, его еще не было? Блин! Это все потому… потому что… Я спать легла! — Она запнулась, и в глазах у нее читалась настоящая паника. — А теперь я здесь. Вас слушаю. В драной тряпке, босая, и меня только что пытались сжечь! Сжечь, черт вас подери, на костре сжечь. Да сами вы психи!

Йорг, молчаливый и хмурый, подал голос из угла:

— Что такое ипотека?

— Это… — Она открыла рот, закрыла. — Это когда ты берешь у государства деньги на покупку жилья и потом отдаешь их всю жизнь с процентами. Но это неважно! Важно то, что я не та, кто вам нужен! Я не колдунья, я никого не убивала, я вообще впервые вижу этот ваш, — она дернула головой, обводя зал заседаний острым подбородком, — средневековый ужас!

— Средневековый? — переспросил Карл.

— Ну да. — Она моргнула. — Вы его по-другому называете?

Я незаметно поменял позу, прислонившись плечом к стене. Интересно. Очень интересно. Она не играет. Или по крайней мере играет чертовски хорошо. Но я видел много лжецов, и ни один не сыпал такими деталями. Обычно врут проще: «потерял память», «меня подставили», «я не помню, что делал». Эта же несет какую-то околесицу про другое время, про ипотеку. И в глазах у нее ни капли хитрости, сплошное отчаяние.

Людвиг, похоже, думал иначе.

— Хватит, — оборвал он, когда ведьма снова заговорила. — Мы тут не в игры играем. Ты — Лора Айхендорф, приговоренная к смерти. То, что огонь почему-то не взял твою жизнь, не отменяет твоих преступлений. Мы найдем способ…

— Да как вы не понимаете?! — взвизгнула Лора, и в ее голосе прорезались настоящие слезы. — Я — не она! Я жила спокойно. Работала, собиралась на свидание! У меня платье было новое, я прическу даже продумала! Боже, а может, свидание уже было и он меня вывез куда-то? Вот так и знала, что не стоило ему давать шанс. Он мне сразу показался каким-то ненадежным. Слишком правильный, вечно с улыбкой этой своей! А взял и… Что сделал? Напоил какой-то гадостью, да и привез… К вам вот привез, а вы… вы… вы сжечь меня собрались! Черт, черт, черт! Нет, не может такого быть, никто не станет в шутку жечь людей. Ну не совсем же вы конченые уроды, чтобы так шутить, да?

Она выдохлась так же внезапно, как завелась, и уставилась на Людвига с таким видом, будто он был обязан немедленно все понять и отпустить ее домой, в ее странную жизнь, в которой, кажется, она и сама слишком запуталась, а теперь и нам дурила головы. Одним словом — ведьма.

В зале повисла тяжелая тишина.

— Что она сейчас сказала? — спросил Берт у Отто шепотом.

Отто пожал могучими плечами:

— Понятия не имею. Про какие-то свидания, шутки. Вином явно крепким предпочитает баловаться, вон опаивает кого-то.

— Да вы не понимаете, это не я, а меня… — начала она так же запальчиво, но тут же, глубоко вздохнув, сжалась на стуле и обреченно простонала: — Вы не понимаете. Да я и сама не понимаю ничего. Только то, что уснула у себя дома… кажется… я надеюсь, что больше ничего не забыла. А проснулась здесь. Кстати, где именно? Объясните уже нормально!

Верховный устало вздохнул, закатил глаза и вышел из зала. Он не намеревался слушать чушь от девки — оставил это нам.

Я шагнул вперед. Младшие преторы расступились, пропуская меня к столу. Ведьма подняла голову и уставилась на меня с подозрением.

— Вы, — выдохнула она. — Вы тот, который… с дымом. Который меня прикрыл. Спасибо.

Я хмыкнул. «Спасибо». Надо же, она благодарит человека, который приказал ее сжечь.

— Не стоит, — ответил я сухо. — Я прикрыл, чтобы толпа не растерзала нас вместе с тобой, как только до людей дошло бы, что огонь не собирается убивать преступницу.

Она нахмурилась.

— Жестоко.

Я не стал отвечать на очевидные вещи. Никто ей здесь не обещал мягкое кресло, горячую ванну, белый платочек для слез и сочувствие.

— Давай еще раз. Ты утверждаешь, что ты — не Лора Айхендорф, а… как там тебя?

— Лариса. — Она выпрямилась на стуле, насколько позволял контролирующий ее Вольф. — Лариса Соколова. Двадцать семь лет. Врач. Не колдунья.

— И ты не знаешь, как оказалась в теле приговоренной к смерти?

— Нет. — Она закусила губу. — Я помню только, как ложилась спать дома, и даже не знаю, был ли у меня там новый день или я уснула на комфортном ортопедическом матрасе, а потом — бац! — и какие-то мужики тащат меня к столбу.

— Ортопедическом матрасе? Кхм, что? — переспросил Карл.

— Неважно, — отмахнулась ведьма. — Важно то, что я не знаю никакой Лоры, не знаю вас, не знаю, что здесь вообще происходит, и я очень, очень хочу домой.

Она всхлипнула. Всего раз, коротко, и тут же закусила губу так сильно, что выступила кровь. Я заметил. И сделал мысленную пометку — контролирует эмоции. Не впадает в истерику, не сыплет проклятиями и не угрожает нам смертью, как было все время заключения Лоры. Наоборот, ведет себя совсем иначе.

Интересно.

Людвиг шагнул было к ведьме с новым вопросом, но я поднял руку, останавливая его.

— Выйдите все, — сказал я. — Мне нужно поговорить с ней наедине.

— Господин Бер… — начал он.

— Я сказал — выйдите, Людвиг. Это не обсуждается.

Младшие преторы переглянулись, но спорить не решились. Поднялись из-за стола, заскрипели стульями, потянулись к выходу. Вольф вопросительно посмотрел на меня, я кивнул: «Отпусти». Он убрал руку с плеча ведьмы и вышел последним, плотно прикрыв за собой дверь.

Мы остались вдвоем. Женщина — на стуле посередине комнаты, я — стоя у стола, опираясь бедром о дубовую столешницу.

— Ну, — сказал я. — Давай еще раз. С самого начала. И без этой вот… лишней эмоциональности. Я спрашиваю — ты коротко отвечаешь на вопросы.

Она сглотнула.

— Я уже все сказала.

— Ты сказала кучу слов, из которых я не понял и половины. Что такое терапевт?

— Это… — Она запнулась. — Это человек, который лечит людей. Ну знаете, болезни там, травмы. У меня есть специальное образование, я работаю в здании, куда люди приходят, когда им плохо, и я помогаю им не умереть.

Я приподнял бровь.

— То есть ты — целитель? Ты лечишь магией?

— Ну… да? Только без магии. У нас нет магии. Вообще.

— Совсем?

— Совсем. — Она криво усмехнулась. — Поэтому, когда я увидела, как вы тут огоньком управляете и шарики светящиеся зажигаете, я… охренела, мягко сказать. Ну вы видели.

— Угу, — согласился я. — И еще заметил, как ты пялилась на жаровни и на городские здания, как будто первый раз в жизни все это видишь.

— Так и есть. Первый раз. — Лора обвела руками зал. — У нас дома не такие. У нас вообще все по-другому. Машины, электричество… Это когда свет из проводов, а не из шариков… Интернет… Да вы не поймете.

— Попробуй объяснить.

Она вздохнула, подняв скованные руки, потерла ладонями лицо — жест уставшего человека.

— Представьте, что вы всю жизнь прожили в мире, где все работает на… Ну, на пару, что ли. Где машины ездят сами, без лошадей, где можно говорить с человеком за тысячи километров, просто нажав кнопку, где болезни лечат не заговорами, а лекарствами, которые производят на фабриках. А потом вы просыпаетесь здесь. Где люди жгут друг друга на кострах за то, чего нет.

— Магия есть, — поправил я.

— Для вас — есть. Для меня — нет. Для меня это все… — Она замолчала, подбирая слово. — Бред. Сумасшествие. Я не должна здесь быть.

Я молчал, переваривая услышанное. Если это ложь — то самая искусная ложь, которую я слышал в жизни. Если правда… то что это меняет?

— Ты сказала, что не знаешь, как сюда попала, — начал я медленно. — Но есть одна деталь. Ты находишься в теле женщины, которую мы семь дней держали в тюрьме. Которая признана виновной в убийстве десятков людей. Которая должна была сгореть сегодня. Но не сгорела.

— Я заметила, — буркнула Лора. — И, кстати, рада, что не сгорела. Очень приятное ощущение. Живое такое!

— Ты понимаешь, что это значит?

— Что ваш огонь — дурак?
Я невольно дернул уголком рта. Наглости ей не занимать.

ГЛАВА 3

— Это значит, что либо ты действительно не та, кого мы приговорили к смерти, или же, Лора, твоя магия сильнее, чем мы думали.

Она побелела — хотя казалось бы, куда больше — и замотала головой.

— Нет. Нет-нет-нет. Я не колдунья. Я не умею колдовать. Я даже свечку зажечь спичками не всегда могу, особенно если ветер!

— Спичками?

— Ну, это такие палочки… — Она зажмурилась. — Боже, как же сложно объяснять элементарные вещи!

Я дал ей минуту, чтобы собраться с мыслями. Мне было даже любопытно за ней наблюдать: чуть запрокинув голову, ведьма принялась глубоко дышать и едва заметно шевелить губами. Я сначала подумал, что она решила применить магию. Но, во-первых, это было глупо с ее стороны — пытаться колдовать в моем присутствии, а во-вторых, я с удивлением услышал, что именно она шепчет: раз, два, три… Я не сразу понял, для чего ей это нужно, но когда ведьма открыла глаза, она почти успокоилась. По крайней мере признаки подступающей истерики исчезли, будто их и не было.

— Слушайте. Я понимаю, что вы мне не верите. Я бы сама себе не поверила на вашем месте. Но давайте порассуждаем: если бы я была той самой колдуньей, которая, по вашим словам, убила кучу народа, и у меня была бы магия, способная обмануть ваш огонь… Кстати, я вообще не понимаю, что это может значить и как огонь можно обманывать. Ну допустим. Так вот, если бы я все это умела, то почему бы я тогда орала на столбе? Зачем бы вырывалась и визжала, если бы могла просто… ну, не знаю… испепелить вас всех к чертям?

Ее губы искривила усмешка. Дерзкая, наглая. Но кое-что Лора не договаривала.

— Не смогла бы. Магия не та.

— Не та? — Растерянность была слишком искренней, чтобы быть игрой. — Хорошо, но тогда почему бы и не допустить, что, возможно, я вовсе не ваша ведьма?! Если у вас в мире есть магия как факт, если даже огонь имеет свой разум, а с виду обычный мужчина умеет из ничего делать дымовую завесу, тогда, вероятно, есть и такая магия, которая втянула меня во все эти проклятые неприятности? И я, ну не знаю, оказалась здесь по какой-то идиотской случайности и вообще жертва обстоятельств? Я даже не представляю, как могу доказать все, что говорю. Все так глупо… А может, я просто схожу с ума, как думаете?

Лора замолчала и чуть отвернулась от меня, вновь прикусив губу. А я изучал ее лицо: царапина на скуле запеклась темной полоской. Под глазами — тени. Губы потрескались. Но взгляд… Взгляд был ясный. Не безумный. Не хитрый. Просто усталый и очень, очень растерянный.

— Жди здесь, — сказал я, направляясь к двери.

— А вы куда? — В ее голосе прорезалась паника. — Вы же не оставите меня тут одну? С этими… факельщиками?

Мне показалось, что она хотела назвать Младших преторов как-то иначе. Но я решил не уточнять.

— Они не тронут тебя без моего приказа. — Я обернулся в дверях. — Мне нужно поговорить с Верховным претором.

— О чем?

— О том, что с тобой делать дальше.

Явышел, не дожидаясь ответа. Кивнул преторам, чтобы вернулись в зал.

В Башню Молчания я поднимался по винтовой лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Сердце колотилось где-то в горле — не от усталости, от злости. Потому что я уже пред-

ставлял, чем этот разговор может закончиться — знал Клауса Айзенберга как облупленного, пламя его пожри!

Кабинет Верховного претора занимал почти весь верхний этаж башни. Стены здесь были сложены из светлого камня, и в них прорезали огромные окна, выходящие на все четыре стороны света — чтобы Клаус мог видеть весь город. Мебель из темного дерева. Резная, тяжелая. На столе, как обычно, стопки бумаг, чернильница, свитки, россыпь перьев для письма.

Сам Клаус стоял у окна, заложив руки за спину. Он даже не обернулся, когда я вошел.

— Господин Айзенберг, — начал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне нужно обсудить ситуацию с…

— С ведьмой, которая возмутительно не горит, — закончил он за меня. — Да, Эберхард. Я ждал тебя.

Он повернулся. Из-за приглушенного света его лицо казалось высеченным из камня — острые скулы, тонкие губы, глубоко посаженные глаза.

— Ты закончил допрос? Что удалось выяснить?

— Она утверждает, что она не та, за кого мы ее принимаем. Что ее зовут Лариса, что она из другого времени, где нет магии, и понятия не имеет, как здесь оказалась.

Клаус подошел к столу, опустился в кресло и жестом указал мне на стул напротив.

— И ты ей веришь?

— Я не знаю, — честно сказал я, садясь. — Она говорит убедительно. Слишком убедительно для лгуньи, которую только что вытащили из огня. Но главное — огонь. Огонь Изначальный не ошибся бы. Никогда. Значит…

— Значит, либо она действительно не та, кого мы осудили, — перебил Клаус, — либо она настолько сильна, что способна обмануть даже Огонь Изначальный. Третьего не дано.

Я кивнул.

— Именно.

Клаус помолчал, барабаня пальцами по столу. Потом посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, от которого у меня внутри все сжалось.

— Что ты предлагаешь?

— Проверить. — Я подался вперед. — Магический фон, реакцию на артефакты, на запрещенные заклинания. Если она действительно сильная колдунья, она выдаст себя. Если нет…

— Если нет, то у нас на руках женщина, в теле которой сидит чья-то чужая душа. И мы не представляем, куда делась настоящая Лора Айхендорф, а главное, каким образом она смогла это провернуть. Дрянь!

— Можно попытаться найти ее через ритуал призыва.

— Можно. — Клаус кивнул. — Но не сегодня. И не завтра. И вообще не сейчас, когда на площади собрался весь город и видел, как целехонькую ведьму сняли со столба.

Я нахмурился.

— При чем здесь народ?

Клаус усмехнулся одними уголками губ.

— Ты догадываешься, Эберхард, что будет, если мы объявим людям, что произошла какая-то ошибка, никого мы сжигать не будем и вообще давайте отпустим эту милую и добрую женщину домой. М-м?

Проклятие! Пока я думал, каким образом Лора могла бы провернуть фокус с перемещением души в свое тело и насколько это вообще возможно с учетом того, что все это время она была у нас в тюрьме, я глупо упустил более насущную проблему.

— Именно, — подтвердил Клаус, видя, как я поморщился. — Нас порвут на части. Не сегодня, так завтра. Найдутся смельчаки, которые решат, что мы покрываем кровавую колдунью. Начнутся бунты, погромы, самосуды. И все это — на моей совести.

— Но если она невиновна…

— Она в теле той, на чьем счету масса смертей. Десятки, Эберхард! Десятки жертв! Ты думаешь, кто-то готов принять на веру, что в теле твари, виновной в таком количестве убийств, сидит кто-то другой? Да одних родственников ее жертв хватит на то, чтобы устроить нам слишком веселую жизнь. — Клаус поднял палец. — Для народа она — ведьма. Которая по какой-то причине не сгорела. Это не делает ее невиновной в их глазах, это делает ее еще более опасной. «Она настолько сильна, что даже огонь ей не страшен!» — скажут они.

Я сжал зубы. Он прав. Конечно, он прав. Старый лис всегда прав в таких вопросах.

— Что тогда?

Клаус откинулся в кресле и посмотрел на меня с выражением, которое я ненавидел больше всего на свете. С эдаким отеческим снисхождением.

— А что, если, — начал он медленно, как бы размышляя вслух, — мы объявим народу правду? Частичную, конечно. Например, что произошло невероятное — переселение душ. Что в теле ведьмы сейчас другая, невинная душа и что, пока настоящая преступница не будет найдена, эта женщина будет находиться под неусыпным надзором.

Кажется, теперь я точно знал, о чем думал Верховный, когда я зашел в его кабинет. Он, как и всегда, продумывал несколько вариантов развития событий. И сейчас мне оставалось только слушать и ждать, что еще придумал Клаус. Но он молчал, вынуждая спрашивать. Опять играет в свои игры!

— Под чьим надзором? — уточнил я как можно равнодушнее.

Клаус тонко улыбнулся. Мерзкой ласковой улыбкой, из-за которой у меня непроизвольно сжимались кулаки. Но приходилось держать себя в руках и не показывать вида, как бесил меня на самом деле Верховный претор.

— Твоим, Эберхард. Конечно, твоим. — Клаус снова посмотрел на меня как на глупого ребенка, которому все приходится объяснять. — Ты же Старший претор, и народ тебе доверяет. Так кому же еще поручить наблюдение?

Я так резко поднялся и шагнул ближе к столу Верховного, что чуть было не опрокинул стул. Выдержка дала трещину.

— Вы не можете! У меня работа! У меня расследования, отчеты, дежурства…

— Освобождаю, — перебил Клаус спокойно. — С сегодняшнего дня ты освобождаешься от всей работы, кроме неусыпного контроля над ведьмой. До тех пор, пока ситуация не разрешится, будешь присматривать за ней. Я так решил.

— Освобождаюсь от работы?! — Я сорвался на крик. Почти забыл, что передо мной представитель верховной власти. — Как вы себе это представляете? А кто будет делать ее за меня?!

— Эберхард. — Клаус поднял руку, и я замолчал. Не потому, что испугался, а потому, что в его голосе появились стальные нотки, которые не предвещали ничего хорошего. — Ты сам пришел ко мне с этой историей. Ты сам утверждаешь, что ведьма, вероятно, говорит правду. Значит, ты и будешь за это отвечать. Поселишь ее в своем доме. Станешь следить за каждым ее шагом. И когда — или если — настоящая Лора Айхендорф вернется в свое тело или же как-то иначе проявит себя, ты первый об этом узнаешь.

— А если не вернется? — выдохнул я.

Клаус пожал плечами.

— Тогда и будем думать. А сейчас решение принято.

Я молчал. Говорить было нечего. Он загнал меня в угол и сделал это с таким изяществом, что хоть аплодируй. Однако больше всего мне хотелось совсем другого.

— Ты можешь отказаться, конечно, — добавил Клаус с издевкой. И небрежно пожал плечами, как будто это действительно было неважно. — Но тогда я буду вынужден назначить другого. И, скорее всего, это будет кто-то из Младших преторов. Как думаешь, Людвиг справится с такой ответственностью? Или, может, Отто?

Я представил Отто рядом с этой хрупкой женщиной. Отто, который вчера на допросе сломал подозреваемому руку, просто чтобы «тот разговорился».

— Я понял, — сказал я сквозь зубы. — И когда?

— Например, сейчас? — Клаус протянул мне свиток, заверенный печатью Верховного претора. — Передай Младшим, пусть донесут новость до горожан, а ты можешь забирать свою новую подопечную.

Я взял бумагу не глядя.

— И, Эберхард, позволь я дам тебе совет. — Клаус снова улыбнулся. — Будь с ней помягче. Она же невинная жертва обстоятельств. Или нет. В любом случае, если она действительно та, за кого себя выдает, тебе с ней жить. Может быть, долго. Не стоит наживать врага в собственном доме.

Я вышел, не ответив.

Внизу, в зале Совета, все было по-прежнему. Семеро Младших преторов сидели за столом, делая вид, что обсуждают что-то важное, но на самом деле просто ждали. Ведьма сидела на том же стуле, обхватив себя руками, насколько позволяли ограничители. Увидев меня, она дернулась, но с места не встала.

— Ну что? — спросила она даже раньше, чем хоть кто-то из Младших олухов успел отреагировать на мое появление в зале. Голос Лоры дрожал. — Меня снова будут жечь? Или еще какие-то варианты придумали?

Я подошел к ней, взял за локоть и рывком поставил на ноги.

— Пошли.

— Куда? — Она попыталась вырваться, но я держал крепко. — Эй! Куда вы меня тащите?!

— Домой, — буркнул я. — Ко мне домой.

Она замерла, уставившись на меня круглыми глазами. Младшие преторы тоже вытаращились. Людвиг и вовсе открыл рот от удивления.

— Господин Бер… — начал он.

— Приказ Верховного претора. — Я сунул ему под нос бумагу. — Можешь ознакомиться. А потом займитесь делом. Свободны.

Не обращая внимания на крайне удивленных Младших, я снял с ведьмы ограничители и потащил ее к выходу. Она спотыкалась, пыталась что-то говорить, но я не слушал. В голове билась одна мысль: Верховный меня поимел. Красиво, виртуозно даже. Поймал в ловушку и не оставил мне выбора. И теперь я должен вести эту…

— Эй! — Лора дернулась сильнее, и я наконец остановился. — Да подождите вы! Я босая. На улице острые камни, я все ноги в кровь сбила!

Я посмотрел вниз. Действительно босая. На каменном полу оставались темные следы.

— Черт, — выдохнул я.

Огляделся по сторонам, увидел на одном из стульев чей-то забытый плащ и, не сомневаясь, рванул ткань. Мне было плевать, чья это вещь и насколько она дорогая. Я бросил две тряпки под ноги ведьме.

— Замотай. И чтобы через пять минут была готова идти.

Она наклонилась, подбирая куски плаща, и я заметил, как у нее дрожат руки. Не от холода, скорее из-за пережитого. Когда она выпрямилась, в глазах стояли слезы, которые Лора отчаянно пыталась сдержать.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Я отвернулся.

— Идем. До извозчиков нужно немного пройтись. И если ты отстанешь или упадешь, я не собираюсь тащить тебя на руках. Зато знаю целую толпу людей, желающих разорвать тебя на части. Так что давай без глупостей. Ясно?

— Да, — буркнула она, переступая с ноги на ногу.

Мы вышли из Судебной Палаты, и холодный вечерний воздух ударил в лицо. На площади уже почти никого не было — только редкие прохожие шарахались от нас, узнавая форму претора. Но я знал, что завтра здесь будет столпотворение. И послезавтра. И каждый день, пока они не примут новую действительность и не осознают, что справедливость в этот раз повернулась к ним спиной и никто не ответит за смерть множества жителей не только нашего города, но всего королевства.

Ведьма шла рядом, прихрамывая, но не отставала. Молчала. Только один раз позволила себе вопрос:

— А как вас зовут?

— Эберхард, — ответил я, не посмотрев в ее сторону. — Эберхард Бер.

— Красивое имя, — сказала она. — Суровое.

На город уже опустилась ночь. В окнах ближайших домов горел свет. Дэрам жил своей жизнью. Лора смотрела по сторонам с откровенным любопытством. Рассматривала редких встречных прохожих, задумчиво окидывала взглядом здания, один раз улыбнулась, увидев выскочившую из подворотни кошку. Наверное, если она не врет, для нее все было удивительным. Новым. Неизвестным.

Для меня это была обычная жизнь. Еще утром такая знакомая и привычная, сейчас она катилась в бездну, и я не понимал, что будет дальше.

Клаус знал, что делал. Я давно был для него костью в горле. Поговаривают, что он опасался, что я займу его место. Я не верил, но, кажется, зря. Сегодня он не просто наказал меня за излишнюю инициативность — он привязал к моей шее камень и бросил в воду, и теперь мне предстояло либо выплыть с этим камнем, либо утонуть. Но в любом случае в ближайшее время Клаусу не придется волноваться о моем возможном повышении.

Я кинул взгляд на ведьму. Незнакомка в облике злобной гадины, повинной в использовании магии крови. Чего мне от нее ждать?

ГЛАВА 4

POV Лора

Он посадил меня в повозку. Обычную такую, сколоченную кое-как из грубых досок. Сиденья ничем не обиты, шершавые. За заляпанным окошком едва виднелось тусклое освещение незнакомого мне города.

Эберхард уселся напротив, извозчик щелкнул вожжами, повозка тронулась. Я вцепилась в край сиденья машинально, чтобы не упасть, потому как трясло нас нещадно. Неужели тут все дороги такие? Мысли, впрочем, были заняты далеко не дорожным покрытием. Я продолжала судорожно вспоминать свой последний день на Земле — должно же было произойти что-то такое, отчего я умерла. Или я не умерла, а… Кхм, что-то мне подсказывало, что в коме или в бреду люди видят нечто иное.

Без стеснения я уставилась в лицо моего карателя, силясь рассмотреть в нем что-то отличное от привычных мне человеческих черт. Никаких изъянов: тонкий, красивый нос, густые темные брови, причем такие ровные, словно он их выщипывал. Губы, глаза, скулы. Да ничем он не отличается от обычных мужчина.

— А какой сейчас год? — задумчиво спросила я.

Претор оторвался от созерцания грязных разводов на стекле, вскинул свои идеальные брови. Он мне все еще не верит?

— Три тысячи восьмой год со Дня пришествия Огня Изначального.

Не время, мир другой! В моем еще не наступило третье тысячелетие, и ни о каком Огне Изначальном не слышали. У нас нет магии. Разве что шарлатаны. И если допустить, что меня каким-то волшебным образом перенесло в чужое тело из другого мира, то это кое-что объясняет.

Мне, медику, легче поверить в галлюцинации или в кому. Но если хоть немного поверить в другой мир…

Я вся сжалась, желая исчезнуть, раствориться в воздухе. Тоска просочилась в сердце, сдавила его будто тисками. Больно думать о прошлом, пусть у меня в нем радостей особо не было, но там, в своей жизни, я уже научилась справляться с трудностями, а здесь нет! Сколько их тут будет? Каких? Где мне жить, спать, есть, работать? Эберхард и сам не рад, что ему пришлось тащить меня к себе домой — спрашивать не нужно, и так видно по его злющему выражению лица, — а значит, выкинет меня на улицу как котенка, когда придет время. Но если даже не выкинет и все у меня будет хорошо, меня это конкретное «хорошо» не устраивает, я домой хочу!

— Домой хочу, — озвучила я свои мысли. Эберхард, сиденье, стенки повозки — все поплыло перед глазами из-за подступивших слез. — Я не просила меня сюда переносить, и вообще…

— Да слышал уже, — оборвал меня претор. — Хватит ныть. Думаешь, мне нравится с тобой возиться?

— Вы со мной еще и не возились нисколько.

Эберхард прикрыл глаза и устало выдохнул. Желваки заиграли на скулах — сдерживает ругательства? Будто я в чем-то виновата! Но в чем?

Я всхлипнула тихонько, чтобы не злить претора еще сильнее. Сам меня домой к себе везет, мог бы оставить там, где взял. Где-то ведь жила ведьма, в тело которой я перенеслась? Да бред какой-то, ну какое «перенеслась»! Это противоречит всем законам физики.

Мое новое тело где-то жило, и если уж я здесь застряла, то мне бы хотелось иметь свое жилье. С одной стороны — присмотр Эберхарда будет кстати, я все-таки ни сном ни духом, как тут жить. В то же время он наверняка не станет со мной нянчиться, зачем ему это?

Пока мы тряслись по каменистой дороге, я еще с трудом, но держала себя в руках, но вот повозка покачнулась и встала. Эберхард вышел первым, небрежно подал мне руку. Жест я проигнорировала и выскочила наружу без помощи. Жадно принялась осматриваться. Ничего особенно пугающего не увидела: слишком темно. Освещение было лишь от одного фонаря, у которого нас высадили. Свет от него выхватывал из темноты высокий кованый забор, за ним — не самую новую садовую беседку, обшарпанную лавку и мощеную тропинку к широкому крыльцу двухэтажного дома, на перилах которого при нашем появлении загорелись два синих огня. Дом, к слову, скорее походил на небольшой замок: сложенный из камня, увитый черным из-за отсутствия толкового освещения плющом, с витражными стеклами в стрельчатых и эркерных окнах. Я бы назвала его очаровательным, если бы меня так сильно не трясло от необходимости в него войти практически под конвоем.

Эберхард повернул ключ в массивном замке на калитке, та скрипнула, отворяясь. Судя по тому, что претор шагнул в сторону, он предлагал мне войти во двор первой. Я послушно ступила на дорожку, и тут же одна из тряпок на правой ноге развязалась — пришлось поправлять. Претор в это время запер калитку и терпеливо ждал, когда я справлюсь с пародией на обувь.

Буду надеяться, что он живет один как сыч: болтовню с его семейством мне не пережить. Повторно объяснять и доказывать, что я не Лора, я не смогу, сорвусь и обматерю, ну а потом меня точно выкинут. Или нет?

В задумчивости я прошла по неухоженной дорожке, остановилась на крыльце. Зачем же еще он повел меня к себе, если не для того, чтобы присматривать? Если так, то он вряд ли оставит меня одну.

Эберхард дважды ударил дверным молотком, и я вздрогнула: в доме кто-то есть.

— Вы женаты? — выпалила я.

— Нет.

— С родителями живете?

Ответом мне стал тяжелый вздох, а задать новый вопрос я не успела — одна из створок двери отворилась, являя моему взору пожилого мужчину в черном поношенном костюме. Седой, уж очень сильно похожий на отцветший одуванчик.

Меня мягко подтолкнули в спину. Эберхард ни на миг не желал оставлять меня вне поля зрения, словно боялся. Забавно… в какой-то степени.

Я быстро вытерла мокрые глаза рукавом, переступила через порог под изумленным взглядом старика. Он смотрел то на мое лицо, то на тряпки на ногах.

— Господин?..

— Потом, Дитрих, — прервал его претор.

Несколько мгновений я ждала, когда Эберхард или его слуга включат в помещении свет, но ничего не происходило. Я с сомнением поглядывала на канделябр с тремя свечами в руке старика-одуванчика и на лампу, стоящую на резном столике у подножия деревянной лестницы. Если вспомнить, что я уже успела увидеть за короткий отрезок времени в своей новой жизни, то можно предположить — электричества здесь нет в принципе, а не просто отключили за неуплату. Верить в это не хотелось. Со свечами и лампами не набегаешься, а я вообще непривычна к подобному.

Слуга запер замок и ушел, а Эберхард больно вцепился в мой локоть крепкими пальцами. Он повел меня туда, где виднелись очертания какой-то двери. Я с сожалением обернулась на лестницу, выглядящую приличной — хорошее дерево, гладкое и, по-моему, даже натертое воском. Чистые ступени позволяли мне думать, что Эберхард живет в приличном доме.

За дверью оказалась лестница вниз, к которой Эберхард меня и подтолкнул. Не грубо и не больно, но неприятно.

— Да что вы со мной как с тряпичной куклой обращаетесь! — прошипела я.

— Спать сегодня будешь внизу, — сказал он.

Локоть не отпустил — держал, чтобы я не споткнулась. Мы так и шли в полной темноте, он даже лампу с собой не взял, но каким-то образом безошибочно нашел ручку… решетки? Я рассмотрела ее, когда она отворилась и в комнатушке за ней вспыхнул синий свет под потолком. Комната походила скорее на чулан: узкий длинный стол у стены справа, напротив него пустой стеллаж, в углу — ведро. Пропитанный сыростью и запахом плесени воздух щекотал ноздри.

Не успела я опомниться, как меня впихнули внутрь и заперли.

— Эй! — воскликнула я, возмущенная до глубины души. — Меня же полностью оправдали! Эберхард!

Чудовище за решеткой едва заметно качнуло головой.

— Я принесу тебе одеяло и еду, — сказал он. — К сожалению, вынужден оставить тебя здесь, чтобы избежать той опасности, которую ты представляешь. Можешь представлять. Будь ты на моем месте, ты бы поняла.

Нет, нет, нет! Я грохнула по решетке ладонями, кисти заломило от удара. Согнулась, взвыв от боли и прижимая руки к себе. Он меня запер, черт его подери! Оправдал, потом своевольно запер, пока главный не видит.

Слезы я больше не сдерживала, меня накрывала самая настоящая истерика. Я осела на пол, содрогаясь от рыданий и изо всех сил стараясь проснуться. Происходящее походило на дурной сон, из которого никак не можешь вырваться — на один из тех, в которых ты убегаешь от кого-то, но перебираешь ногами на одном месте.

Безошибочным способом проверить, спишь ты или нет, всегда было щипание себя за кожу. Но я только что ударила по решетке и почувствовала самую настоящую боль. Что это, как не доказательство?

Я не во сне.

Слезы постепенно высохли, оставляя в теле страшную усталость. Безвольно липла спиной к стене — единственной опоре, которая позволяла не свалиться на грязный пол. Притянула к груди колени, уткнулась в них лицом, лишь бы ничего не видеть.

И Эберхарда тоже.

Когда он вернулся, я не отреагировала на его замечание о холодном камне. Надо же, беспокоится о моем здоровье.

Уходя, претор ненадолго остановился у решетки. Я ощутила на себе его взгляд, но голову не подняла.

— Хочешь — рыдай, кричи или отказывайся есть, но ничего из этого тебе не поможет. Будь моя воля, я бы тебя отдал народу и забыл. Так что тебе лучше смириться со своим положением и быть благодарной.

Р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.